

Виталий Лизун

ДОЛГ

СТИХИ

Vиталий ЛИЗУН

О преданности, Родина,
Я не хочу говорить словами.
Я молодым,
Взяв винтовку в руки,
Пошел тебя защищать.
И этим уже все сказано.

Виталий Лизун

ДОЛГ

СБОРНИК СТИХОВ

Смирново 2000 год.

ОБ АВТОРЕ

Жизненный путь Виталия Дементьевича Лизуна похож на судьбы его сверстников. Родился он 25 июня 1925 года в селе Безлесное Аккайынского района Северо-Казахстанской области, где и живет сегодня. Юность его опалила война. В 1942 году на Курской Дуге был тяжело ранен и после госпиталя вернулся на Родину. Более 40 лет он трудился учителем, затем директором школы.

Все эти годы фронтовик активно печатался в областных и районных газетах, республиканских журналах. В 1993 году вышел первый сборник стихов поэта «Второе рождение». Символично, что второй сборник «Долг» увидит свет в год празднования 55-й годовщины Победы. Его стихи подкупают своей искренностью, лиричностью, любовью к красоте родного края. Хочется надеяться, что он еще порадует читателей своим творчеством.

Автор сердечно благодарит за помощь в выпуске сборника главу крестьянского хозяйства Юрия Михайловича Смужинского, директора ТОО «Безлесное» Александра Августовича Фильберта, руководителя крестьянского хозяйства Рашида Тюлепеновича Алпысова и главу крестьянского хозяйства Николая Николаевича Стригуна.

На Курской Дуге

ПОБЕДА

Какой ценой досталась нам Победа!
Ее на блюдце нам не поднесли.
Мы с первых дней июньского рассвета
Четыре года до Победы шли!
И потому—мы в двадцать лет седые,
Что шли сквозь дым и зарево огня,
Чтоб выжила спасенная Россия,
Дождалась мира, солнечного дня!

1965 год.

ДОЛГ

Проспусь—и думы мои вяжутся
На веретено судьбы.
Долги б отдать до старости
Без почестей любых.
Старушкам, что остались.
В забытых деревнях,
Где сорняки поднялись
На крышах и дворах.
Но, видно, сердцу маяться—
Не расплатиться мне.
Все в памяти сбегается,
Что было на войне.
За слезы всех старушек,
Что ждут сынов домой.
За сломанные души
Суровою войной.
В долгу я неоплаченном,
В долгах я, как в шелках.
А сколько сил потрачено
Солдатами в боях!
В долгу перед солдатами,
В долгу перед страной.
В долгу перед ребятами,
Что не пришли домой.

1980 год.

НА КУРСКОЙ ДУГЕ

Здравствуй, поле,
Что звалось Дугой!
Здесь когда-то танки
По пшенице шли.

И твои колосья
С нежною росою
Гусеницы рвали из земли.
Плакали колосья,
Как живые,
И слезинки
гасли от огня.
И горели
дали голубые

Там, где шла
со свастикой броня.
И холмы,
Как вздыбленные кони,
И солдат качало,
как в седле.

Бой идет —
И обожжешь ладони,
Если прикоснешься ты
к земле!

Но солдаты шли,
Солдаты падали,
На том поле,
что звалось Дугой,
Или они сквозь дым
И ад

И пекло ада,
Чтоб Победу
принести домой!

1998 год.

СОЛОВЕЙ

Еще за ночь земля не отдохнула.
Еще траншеи черные дымят.
И вновь ракета синяя сверкнула,
А это значит—жди сейчас спаряд!

Мы были наготове перед боем.
И вдруг певец на ветку рядом сел.
В нем было что-то близкое, родное,
Как будто он из дома прилетел.

Он нашу грусть решил совсем развеять.
И так запел, что мы забыли все.
Как будто он из дома прилетел.
У нас сегодня праздник, торжество.

Но тот концерт закончился, как уши.
Спаряд тяжелый рядышком в лесок.
И полетели перья вместе с пухом,
И над воронкой лишь чернел дымок.

В бою та песня с нами побывала,
Пока мы взяли штурмом высоту.
Она бежала, падала, вставала —
Нельзу убить спарядом красоту!

1998 год.

ВЕЗЕНИЕ

Оно желаньям
неподвластно,
Но в сорок третьем,
взяв село,
Мне после боя
стало ясно,
Что мне нежданно повезло.

Мне повезло—
живой остался.
Осколки падали,
как дождь,
И я в окопчик зарывался,
Где полыхала рядом рожь.

Считаю я себя солдатом,
Хотя перо в моих руках.
Мои друзья на перекатах
Воюют в огненных боях.

И пусть продолжится везенье.
Я рад, чтоб эти дни
пришли,
Чтобы в моих стихотвореньях
Всех невернувшихся
нашли.

1995 год.

В сорок первом мобилизованные,
В тот тяжелый военный год,
Мы, девчонками не целованные,
Уезжали в теплушках на фронт.

Сколько было в глазах их печали!
По глазам можно все прочитать.
Они ждать нас с фронтов обещали,
И ответы на письма давать.

Незамужние... И не вдовы...
Ждали письма с далеких фронтов,
Были сводки в ту пору суровы—
Фронт у волжских стоял берегов.

«Похоронки» в село приходили
На парней, неженатых солдат,
Что когда-то девчонки любили,
И встречали их возле хат.

Я сейчас этих женщин вижу,
Не дождавшихся теплых встреч.
Постарели они,
Загрубела их девичья речь...

Стихи Есенина я помню:
«...не буду больше молодым».
А перед нами в небе темном—
Раскаты взрыва,
черный дым.

А нам опять идти в атаку
На Курском выступе седом.
И станет сталь горящим шлаком,
Звенящим ветром и углем,
Одним бойцам по восемнадцать,
Другим по двадцать,
двадцать пять...

Кому из нас живым остаться,
Сейчас никак нельзя узнать.

Кому-то здесь лежать в окопе,
И никогда живым не встать,
Кого-то будут ждать в Европе,
Чтоб над Берлином флаг поднять.

ПИСЬМО

Не только мы —
Природа задыхалась
От дыма,
От полыни,
От жары...

Усталая пехота чертыхалась,
Когда над нами
Самолет кружил.
Мы знали:

«Юнкерс» даром не летает.
Сейчас свинцом
Порячим нас польет.
И каждый себе холмик
выбирает,

Совсем не зная,
Что солдата ждет.
И я подумал в этот миг
Опасный,

Что если буду только я
живой,
То я тебе березы
Листик красный
В письме солдатском
Отшлю домой.
И ты конверт раскроешь
Треугольный,
И красный листик скажет
обо мне:

Как без тебя
Мне было очень больно
Как листику березы
На войне.

1985 года.

А дни мелькают —
тоньше календарь.
Не хочет память забывать
былое.
Как не сошел с оси земной
наш шар,
Когда горело небо голубое?
Закрой глаза и вспомни те
снега.
Они от взрывов бомб
столбом вставали,
И завывала огненно пурга,
И мы в атаку
за рекой бежали.
С оси земной не сдвинулся
наш шар
Лишь потому, что мы остановили
От самой Волги вспыхнувший пожар,
А под рейхстагом
тот огонь добили.

1995 год

Сегодня ночью брал Орел,
И пули рядышком свистели.
Я за собой гвардейцев вел,
Всю почь ворочаясь в
постели.

А сын все знает,
и не спит,
Пока я бредить перестану,
Который год война гудит,
И будоражит мою рану.

Мы из тех бойцов-армейцев,
Кто под танки
полз зимой,
Не пустил в столицу немцев,
И закрыл страну собой.

Мы из тех солдат служивых,
Кто хватал горячим ртом
Снег
На окопных серых гривах
И утюжил животом.

Мы из тех незаменимых,
Что четыре года шли,
Чтоб воскрес простор
родимый,
Лес зеленый встал вдали.

ПРОХОРОВСКОЕ ПОЛЁ

Гусеницы так давили поле,
Что оно стонало, как больной.
Знать, такая вышла ему доля;
Был тогда под Прохоровкой
бой.

И росла до боя тут ипеница,
Но ее смешали всю с землей,
И отсюда улетели птицы,
Небо покрывалось чернотой.

Все живое гусеницы смяли,
И не все то поле перешли.
Как орлы, стояли тут солдаты,
За родную землю полегли.

Приняла земля своих героев
Стало пухом поле для сынов.
С обнаженной белой головою
Я стою на месте тех боев.

Поле то в зеленых пышных
травах,
И вдали синеет небосвод.
И зовут то поле —
полем Славы,
Слева — Волга,
Справа — Тихий Дон.

1995 год.

СОЛДАТСКИЕ ОБМОТКИ

Стесняются о них писать
поэты.
Но я их вспоминаю иногда.
Мои обмотки целовали ветры,
Когда мы с бою брали
города.

В обмотках ноги затекали
часто,
И негде было снять и
просушить.
Терпи, солдат, разбойное
ненастье,
Тебе не раз под пули
выходить.

Беда, когда развязется
обмотка,
Вдвойне—когда не схватишь
за конец.
И ты мишень—
в тебя прямой наводкой
Спайперский отправится
свинец.

Весной обмотки часто
намокали,
И колом становились от пурги.
Их только в сорок третьем
поменяли,
Взамен обмоток дали сапоги.

1999 год.

ПРОХОРОВСКИЕ ВЕТРА

Прохоровские ветра,
Что гуляют до утра,
Мою душу растревожили.
В моей памяти пора —
Сорок третий год. Жара.
Танки поле это
Искорежили.
Как тут ветру не заплакать,
Не печалиться?
Тут была атака за атакой,
Могло небо даже
Переплавиться.
Черный дым.
И черный мрак.
Черный танк.
И черный ветер
Ветер прохоровский шлак
Гонит на рассвете.

Прохоровские ветра,
Мое сердце растревожили.
Что гуляют до утра,
На холмах земля сыра,
Где покоятся друзья,
Что до мая светлого
Не дожили.

1990 год.

МЫСЛЬ ОДНА В ВИСКИ ТВОИ СТУЧИТСЯ

Когда бьет по цели миномет,
Мысль одна в виски твои стучится:
Вот сейчас — секунда — и убьет,
И на части тело разлетится.

Про себя подумал—
а соседа нет.

И не мой ли следующий осколок?
И остался от снаряда след,
И закрыло темнотой поселок.

Справа снова раненый упал,
И пилотку покатило ветром...
И ревет смертельный ярый шквал,
И до цели еще триста метров.

А ты страх сжимаешь, как пружину,
Сердце хочет выскочить—стучит!
И бежишь, и все кругом горит,
Вот бы знать, где плюхнет немец мину.

А когда умолкнет страшный бой,
Нервы сбросят силу напряженья, —
Не узнать солдата—он седой
От атаки,
страха и волненья.

Ни один солдат не скажет вам,
Что не чувствовал на фронте страха.
Я скажу открыто:

страшно там,

Где до смерти
три-четыре шага.

1990 год.

Вспомним, друг,
солдатские землянки,
Неказистые, в один накат...
Где сушили по ночам портянки
Взводы и курсантов,
и солдат.

В центре каждой—
печка-говоруха,
От нее вовсю идет тепло.
Узнавали ближе здесь друг друга,
Каждый вспоминал свое село.

Пили тут «наркомовскую» водку
(Из консервных банок иногда),
Свежую прочитывали сводку,
Письма, привезенные сюда.

Те, кто полз в снегу под Волгой,
Или мок под проливным дождем,
В мирной жизни помнить будут долго,
Те землянки— фронтовой наш дом.

1995 год.

МЕНЯ ЕЩЕ ПОПРАВЯТ

Бежал я, пригибаясь,
По выжженной стерне.
Земля вокруг вращалась,
И ось была во мне.

И дым был оловянный,
И я почти оглох.
И вдруг осколок рваный
Мне резанул в сапог.

И завертелась быстро
Земля вокруг оси,
В глазах круги и искры:
«Сумею ли спастись?»

Когда я попытался
Сапог свой разорвать,
Как пласт, лежать остался,
Почувствовал — не встать.

И кровь в сапог бежала,
Потом из сапога...
Потом меня не стало —
В глазах и ночь и мгла.

И если б не солдаты,
Мне вечно быть вдали.
Они меня к санбату,
Как санки, волокли.

Когда нога ударится,
Ругаюсь и кричу,
Когда сознанье валится —
Я смерти не хочу.

Меня еще поправят
В те грозные годы,
На костили поставят
Для мирного труда.

РОДНОЕ ПРИИШИМЬЕ КРАЙ РОДНОЙ

Приишимье!

Раэдолье старое.

Не смолкает пшеничный прибой...

Ты пошире хваленой

Швейцарии,

И балтийской страны любой!

Что за травы растут

на стремнинах!

Будто стелется раздым

клубком.

Навсегда в этом крае

былинном

Ковыли отступили кругом

А озера —прозрачные блюдца...

С синевой родниковой

слились.

Здесь колосья тяжелые

гинутся,

Здесь антенные прорезали высь.

Пробирается лось между

колками,

Росный след оставляя в лесу.

Мы ведем разговор с перепелками

Про целинную нашу

красу.

Хватит в поле веселым девчатам

Яркокрасных весенних

цветов.

Я горжусь нашим краем

богатым—

Краем тучных, целинных

хлебов!

1960 год.

Луг стоит окутанный зарею,
Коли щипляют травку на лугу.
Лето держит крепко над собою
Розовую радугу-дугу.

Модные березовые локоны
Ветер треплет мягко гребешком.
И с утра под вымытыми окнами
Воробей чирикает с дружком.

И на пашне ровными рядами
Зеленеет всходами овес.
Аромат иссется над садами,
На лугах стрекочет сенокос.

За селом береза разодета,
Встала у дороги полевой...
В Приишимье прилетело лето,
Лягушки несли его с собой.

1965 год.

Расстегнул июнь свой воротник,
Ему жарко стало на загонке.
Приятался за листик боровик,
И оттуда смотрит он в сторонке.

Там, где был ручей, растет шалфей,
Небо будто синькой подновили,
И стога растут среди полей,
Где вчера косилки проходили.

Расстегнул июнь свой воротник,
Видно, крепко поработал в поле.
У скирды присел он, как старик,
Из-под ладони смотрит
на раздолье.

1994 год.

Одного хочу, чтоб солице
Мне с вершины улыбалось,
Чтоб вода в моем колодце
Никогда не убавлялась.

Я хочу любить не скучно,
А цветы дарить охапкой.
Завернуть зимою в шубку,
Дать мерлушкиовую шапку.

Поделюсь с тобой горбушкой,
Отведу беду руками.
Я хочу, чтоб ты частушки
Пела тихо вечерами.

Жить хочу, чтоб желваками
Крепли скулы от натуги.
Сделать все хочу руками,
Чтоб нагрелась ты от выюги.

Ненавистна мне измена,
Ни в любви, и ни в делах, —
Я хочу, чтоб непременно
Ты жила в моих стихах!

1993 год.

МАМИНА СТИРКА

Помню, мама стирку начинала.
(Это я не ставлю ей в вину).
Через золу воду пропускала,
Так как мыла не было в войну.

Шла для стирки лишь зола сухая,
И притом—всегда из полыня.
И вода в ведре была цветная,
Горькая и с запахом огня.

Шла зола еще для удобренья,
Увозили на поля под рожь...
А иначе вызовут в правленье:
Почему ты золу не даешь?

Полынем еще топили печи,
Им играла «в сабли» детвора...
Домочадцы им дышали вечер,
Выгоняли хвору из нутра.

Сколько мать золы переворочила!
Сколько тонн белья досталось ей!
Ее ладонь было рабочая:
Сколько пальцев— столько мозолей!

1960 год.

ЖАВОРОНОК

Быть может, жаворок хочет
Невесте песню подарить.
Звенел над степью так звоночек,
Что рвалась солнечная нить.

В глухом колодце небосклона
Летит та песня к облакам,
Но только тише, с мягким звоном,
То не слышно уже нам.

Но виртуозные рулады
Из горла вырвутся опять,
И песня ввысь несется рядом,
Ей он не думает кончать.

Теперь одно осталось:
Слушать—
Газ на концерт попал степной.
Очистит жаворонок душу
От всякой пакши земной.

1987 год.

● ● ●

В сентябре такое лишь бывает —
Паутина от куста к кусту.
И березы плач свой исторгают,
Руки поднимая в высоту.

Сугета окончилась.

Под небом.
Отстоялся воздух голубой.
Выйдешь в поле — пахнет
всюду хлебом,
Пересохшей горькой лебедой.

Роща вся горит,
а пепла нету,

Крик стонт гусиный над селом.
Я молюсь цветастому рассвету,
Очищаюсь бабьим сентябрем.
Как хотите, только дни такие

Лишь бывают
часто в сентябре.
Ночью светят звезды
золотые,
И ишеницей пахнет
на заре.

1998 год.

Ничего особенного нет:
Куст сирени синей у окна,
Да ковыль, где прячется
Да рябина осенью красна.
рассвет,

Озеро—напиться воробью.
Не было здесь мельниц и баркасов.
И за что я так тебя люблю,
Степь моя,

Жемчужина всех красок!
Тихих дней не любит
Моя степь,
То—ветра,
то—грозы,
то бураны
И куда поедешь —
всюду хлеб,
И луга росисты утром рано...

И за что я степь свою люблю,
Если в ней особенного нет?
Озеро—напиться воробью,
Степь—как майский розовый букет.

1990 год.

За калиткой
желтые подсолнухи.
Мне ль не знать
родного края цвет?
Утром зори гаснут,
словно сполохи,
И над степью стелется
рассвет.

Мы впитали с молоком и
хлебом
Красоту,
задумчивость берез.
Заскучаю —
затягуюсь небом,
Под которым родился
и рос.

Я с рождения знаю свою
землю.
Воздухом дышу родных
равнин
Не забуду все, что я
приемлю.
Знай, Отчизна, я твой верный
сын!

1990 год.

СТРАДА

Прогноз погоды всех нас
 озадачил:
Идет циклон...
 идут дожди сюда.
Как справимся с
 ответственной задачей,
Которой имя славное —
 страда?

Хлеба, хлеба...
Как будто в колыбели,
Качаются на **каждом** колоске.
Им ветры песни солнечные пели,

Как пастушок
 на дедовском рожке.
Они стоят высокою стеной,
не страшась циклонов
 проходящих,

И только раздается
 шум звенящий
От чистоты ищеницы
 золотой.

1990 год.

Пойду и упаду в густые травы,
За них не жаль и голову сложить.
Не надо мне ни золота, ни славы,
Мне б только свою Родину любить.

Остаться мне бы только человеком
С влюбленным сердцем,
Щедрой добротой.
С землей отцовской, взыбленную
Веком,
С ее неповторимой красотой.

Ну, для чего мне золотые слитки,
Скажите, люди, добрые, нужны?
Мне б только лето встретить у калитки,
Мне б только зиму встретить у сосны.

Мне б только слушать песни да
Былины,

Да степь свою седую обнимать.
Да целоваться под кустом калины,
Да по дорогам с посохом шагать.

ВАСИЛЬКОВЫЕ ГЛАЗА

Безлесное

Ах, деревня Безлесное,
Моя малая Родина.
Назову тебя песнею,
И зелено́й смородиной,

Тебя любят, жалеючи,
За твою предисторию.
За красу твою девичью,
За походочку скорую.

Сколько раз говорили,
Хоронить собирались,
Только улицы жили,
Вдаль на юг раздвигались

По крупицам историки
Свой музей собирают.
По стропилам топорики
Рано утром играют,

На земле моей древней
И озера и блюдца.
Все, кто бросил деревню,
К нам когда-то вернутся.

1990 год.

Когда минута злая подкрадется
И станет сердцу очень тяжело, —
Ты знаешь, что любовь уж не вернется,
И все дороги к счастью замело.

Тогда ты вспомни, что с тобою было,
Когда строчил наискось пулемет,
И солнце в небе будто бы застыло,
Где враг не мог прорвать
на стыках фронт.

И сразу боль сердечная уймется,
И мелкое, никчемное уйдет...
Трава сквозь шебень высоко пробьется,
На сердце рана быстро заживет.

1970 год.

■ ◆ ■

Маэстро снег, ты очень неумел,
Глухи твои о барабан удары,
Меня услышать ты не захотел,
Хотя б услышал плач моей гитары.

Она не просто плачет—говорит,
Она с тобою хочет поделиться,
Как сердце беспокойное горит,
Трепещет, как отловленная птица.

Мой музыкант, прошу, остановись!
Не видел ли ты девушку с косою?
Мы с ней зимой случайно разошлись,
И как теперь мне справиться с собою?

Маэстро снег, ее увидишь вдруг,
Когда она пройдет с тобою рядом,
Скажи о том, прошу тебя, как друг,
Ведь больше мне и ничего не надо!

1970 год.

Белым пледом луг одет —
Дорого и любо.
А село, как старый дед,
Замоталось в шубу.

В белых шапках тополя,
Ветки — в рукавицах.
И продрогшие поля
Закрывают лица.

Снегири, как мужики,
Меряются силой.
Разлетелись на куски
Ветки на осине.

На реке сугроб, как мост,
Тропка для обоза...
И у солища цвет волос
Выцвел от мороза.

1995 год.

КУРАЙ

Зовут у нас его перекати-полем
И кто хоть раз в степи его видал,
Тот вспомнит детство, синее раздолье,
Как за сухим кураем он бежал,

Два курая, бывало, мы вязали,
И в руки брали мальчики шпагат,
И за деревней по полю бежали,
И он скакал, как грозный леопард.

Лет сорок первом снежными ночами
Он в печках вдов и тешил, и гудел.
То загорится вдруг перед глазами,
То прогорев, опять в золе немел.

В сорок втором зима была суровой,
И, чтоб корову маме продержать,
Она давала курая корове,
И продолжала лето ожидать.

Знаком мне запах курая до боли.
В войну деревню он обогревал.
Когда бежит и скачет он по полю,
Я в каждом друга ясно узнавал.

1995 год

Девочка в зеркало смотрит
загадочно:

Что изогнулись так брови дугой?
Маме прибавилось дум предостаточно—
Будет семнадцать дочке весной.

Ей тучи—не тучи, порхает, смеется.
И юбки короче режет она.
В улыбке ее отражается солнце.
Куда приглашаешь девчонку, весна?

Никак не понять, что с девчонкой
творится, —
Лишь вечер по саду пройдет стороной,
У зеркала дочка
с расческой садится, —
И волос волнистый
начесан копной.

1999 год.

ВАСИЛЬКОВЫЕ ГЛАЗА

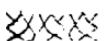
Василек в твоей темной косе.
Как идет он тебе, дорогая!
Он еще в золотистой росе.
Ты такая идешь молодая.

Василек и глаза — один цвет.
В них бы небо могло отразиться,
В них встает розоватый рассвет.
Что как будто весь выткан из ситца!

А глаза! Оторваться нет сил!
В них, сближаясь, сплетаются судьбы.
Я б за вами ходил и ходил,
тебя на них насмотреться еще бы!

Оглянусь—василек.
И все те же глаза.
Сколько нежности в них поместилось!
И лучами искрится золотая роса...
Что ты, робкое сердце, забылось?

1980 год.

Для девчонки полночь —
еще вечер,
А для мамы —уже кошмар.
Для девчонки—начало встречи,
А для мамы—сердечный удар.

Валидол постоянно с мамой,
И стакан на столе с водой.
Никого не видать за рамой,
Хоть уж терла стекло рукой.

Если даже тот фильм удлиненный,
Си закончился, видно, давно...
Волос мамы совсем убеленный,
У ней дум и заботы полно.

ЛЕРМОНТОВ

Он был горяч. И знали это.
Любой пустяк—и на дуэль.
Готов стреляться на рассвете,
Когда в крови бушует хмель.

И горцы знали офицера,
Который был и прям, и смел.
Он был у них на мушке первым,
Но случай храброго жалел.

Перо гусиное не сохнет,
Всю ночь работает поэт..
Но только выстрел где-то грохнет
Он достает свой пистолет.

Ему бы где-нибудь на даче
Писать рассказы и стихи.
А он верхом в ущелье скачет,
Где шути горские лихи.

Ему б с женой на бал уехать,
А он один, как перст, живет...
Дуэль поручику —утеха,
Но где-то смерть поэта ждет.

1999 год.

Твои окна шторками завешаны.
Вечерами быстро гаснет свет.
Мои мысли на ветрах замешаны,
Не могу найти я в них ответ.

Я привел весну к твоим окошкам,
Чтобы ты впустила ее в дом.
Чтоб затаял лед в душе немножко,
И мы снова были бы вдвоем.

Как ты можешь спать сейчас
ночами,
Если ходит под окном весна?
Я все жду, надеюсь вечерами—
На меня посмотришь из окна.

1997 год.

Я стою.
Наблюдаю за сыном.
Он кормушку повесил в саду.
И слетаются с веток малины
Все синицы сюда на еду.
На слегу—
запятые,
кружочки...
Тут с утра побывал воробей.
Он клевал на акации почки,

И на снег опускался
с ветвей.
Веселее теперь будет птицам!
Есть куда собираться
зимой.
На кормушке —
и сыр,
и пшеница,

И не страшен мороз
никакой
Наклонилась синица— скиталица
На кормушке над теплой едой.
Пусть у сына душа
всегда сжалится,
Над чьей-то тяжелой бедой.
Верю я в неоткрытые дали,
Где жар-птицы лежит перо...
Будут людям давать медали
За душевность
и за Добр!

1975 год.

ПОРТРЕТ

Памяти Т. Г. Шевченко.

На овчинах и старых кощмах
В лисьих шапках сидят аксакалы.
И пахучий кумыс осторожно
Наливает старушка в пиалы.

И пиалу одну особую
Приподнял гость с напитком тем,
И кумыс он впервые пробовал,
И любезно кланялся всем.

Аксакалы были довольны,
Что зашел к ним ссыльный поэт.
Тяжело ему жить в неволе,
Ссылка длится уж несколько лет.

Юрта в жизни еще не видала
Ни тетради,
ни корочки старой...
Стал Тарас рисовать аксакала
На дощечке углем самоварным.

Обступили Тараса дети,
И следят за движением пальцев.
И при тусклом юрточном свете
Стал портрет, как живой
улыбаться.

1971 год.

ВЕСНА

На оттаявшем окошке,
На серебряном стекле.
Непонятные дорожки,
Как бумага на столе.

Может, ветры написали
Мне письмо своей рукой,
Что бывали в дальней дали
И встречались там с весной.

Что уже в дороге птицы
И курлычат, и бубнят.
Что им край родимый снится,
И домой они летят.

1971 год.

ОТПУСКНИК

Эх и сено!
Добавить бы в чайник!
Чтоб пахучим был свежий чай.
Я тебя, Приишимье, встречаю,
Что за прелесть ишимский край.

Копны сена встают рядами,
Змейкой вьется родная река.
Ах, какими же степь цветами
Повстречала отпускника!

Тут и лютики, и тюльпаны,
Синеглазый стоит василек...
Окружили меня крестьяне,
Узнаю свой родной говорок.

И про отпуск идут расспросы,
И один вопрос за другим...
А под вечер жужжат уже косы,
Я вернулся в деревню к своим

1970 год.

ЖЕНЩИНА

Через века ты гордо пронесла
Завещанное звание земное.
У женщин память исстари светла,
И трепетное сердце молодое.

Богата ты любовью и теплом,
Ты мир держала на руках,
как сына,
Была солдаткой,
защищая дом,
И медсестрой на грозном поле
минном.

Ты строила большие города,
И в космос поднималась
на ракете,
Бежала ты на помощь,
где беда,
Где почью лампа одиноко
светит:

Любимого умешь ждать
домой
Из дальних рейсов
и морских походов.
Его заметив,
машешь ты рукой,
Бежишь навстречу
ты в платочек модном.

Земля моя в долгу перед тобой.
Ес ты согреваешь и лелеешь.
Всегда ты будь веселой и простой,
Ты так любить детей своих
умеешь!

1990 год.

Страда сенокосная

За деревней травы до колена —
Иван-чай, ромашка и шалфей...
Косаря готовят корм отменный
Для коров, овец и лошадей...

Сенокоски ходят за дорогой.
Загорели у девчонок ноги,
Холны поднимаются с утра.
Припекает целый день жара.

«Расцветали яблони и груши...»—
Раздается песня за рекой.
Приглашает повар всех на ужин,
Опустился вечер золотой.

Занграет вечером гармошка,
И девчат на танцы позовет.
И луна их снова по дорожке
Парами на речку поведет.

1991 год

Здесь все мое: и воздух и вода,
И розовый рассвет
над синими лугами...
И потому—не прячу никогда,
Делюсь со всеми солнцем и цветами.

Здесь близко все: и сердцу и душе.
Шиповник красный на вечерней речке,
Гнездо пичужки на лесной меже,
И белые березы, словно свечки.

Здесь я влюблен в малиновый июль,
И ночью с ветром по полю шагаю.
И в дождь, что сеет, словно через тюль,
Здесь все тебе одной лишь доверяю!

АХ, ЧАГЛЫ МОЕ СИНЕЕ!

Ах, Чаглы мое синее!
Ах, ты радость людей!
Здесь ночовка лосиная,
Здесь кормежка гусей.

Прихожу я на зорьке —
Ходит утро со мною.
И дымок тянет горький
Над ушицей густой.

Одно солнце на небе,
А другое — в Чаглах,
А лучи его в хлебе,
И плывут на волнах.

Ах, Чаглы мое ценнное
Как тебя я люблю!
Мое блюдце отменное,
Тебя в сказку леплю.

Разведу здесь я руки,
Как мне травы милы.
Крикну я — ты аукни,
Моя радость — Чаглы!

1965 год.

Для живых все так же,
как и было:
Солнце поднимается в
зенит,
Ветер тучи разгоняет с силой,
и пчела на веточке жужжит.

А погибшим это недоступно.
Как любили жизнь они свою!
Веселились, пели они шумно,
И не знали, что их ждет в бою.

За живых погибшие спокойны—
Спят в земле сырой мои герои,
Вспоминаю я друзей своих...
Солнце светит яркое для них.

1990 год.

Случись этот случай на диво:
Я в роту курсантов хочу!
Ходить под звездою счастливой,
Чтоб было мне все по плечу.

И пусть буду снова последним
Стоять я в курсантском строю.
Смеяться не будут над этим
Курсанты за службу мою.

Не надо равняться со всеми.
Копать замерзающий грунт...
Когда мой характер соседи
Солдатским всегда назовут.

Полмы на дыбы поднимались,
В бою нас трясло, как в сердце.
Но мы с каждым днем закалялись.
На огненной курской земле.

Мы знали: не будет нас многих...
Россию нам только б спасти!
Вели нас к Победе дороги,
И шло с нами Знамя в пути.

Хочу повстречаться с Дугою,
Мне эти знакомы края...
Обвенчан я с этой землею,
Она как невеста моя.

1996 год.

Шел домой,
одернув китель,
Свой рюкзак поправил на спине,
Шел гвардеец,
воин,
победитель,
Поседевший рано на войне.

В сорок первом
сын еще не топал,
в руках у матери сидел.
А пока отец
прошел Европу,—
Сын, наверно, вырасти успел!

Шел солдат не тропкой—
огородом,
Прикасался к выросшей ботве...
А навстречу сын...
Четыре года!
Русый волос был на голове!

Закричал сынок:
«С победой, папа!».
И по грядкам побежал к бойцу.
Со слезами подбежала мама,
И упала на руки отцу.

МОРЩИНЫ

Как на спиленном дереве кольца,
Так следы на лице от морщин.
И чем больше следов остается.
Значит, было на то сто причин.

Те следы—лет минувших свидетели,
И по ним можно книгу писать.
Они горе людское отметили,
Тут любовь и разлуки печать.

След от радости рядышком тоже,
След свиданий, бессонных почей,
След рассветов июньских погожих,
След от крика весенних грачей.

Жизнь следами морщин отмечена,
Видно, горя хлебнула не раз.
Преклоняюсь я перед женщиной,
Которой морщины у глаз.

СОДЕРЖАНИЕ

Победа	—1
НА КУРСКОЙ ДУГЕ	
Долг	—2
На Курской Дуге	—3
Соловей	—4
Везение	—5
В сорок первом мобилизованные	—6
Стихи Есенина я помню:	—7
Письмо	—8
А дни мелькают—тощие календарь	—9
Сегодня почью брал Орел	—10
Прохоровское поле	—11
Солдатские обмоти	—12
Прохоровские ветра	—13
Мысль одна в мысли твои стучится	—14
Вспомним; друг; солдатские землянки	—15
Меня еще поправят	—16
РОДНОЕ ПРИИШИМЬЕ	
Край родной	—17
Луг стоит окутанный зарею	—18
Расстегнул шонь свой воротник	—19
Одного хочу; чтоб солнце	—20
Мамина стирка	—21
Жаворонок	—22
В сентябре такос лишь бывает—	—23
Степь	—24
За калиткой желтые подсолнухи.	—25
Страда	—26
Пойду и упаду в густые травы;	—27

ВАСИЛЬКОВЫЕ ГЛАЗА

Безлесное	—28
Когда минута злая подкрадется	—29
Маэстро снег; ты очень неумел;	—30
Белым пледом луг одет—	—31
Курай	—32
Девчонка в зеркало смотрит загадочно	—33
Васильковые глаза	—34
Для девчонки полночь—еще вечер	—35
Лермонтов	—36
Твои окна шторками завешены	—37
Я стою. Наблюдаю за сыном	—38
Портрет	—39
Весна	—40
Отпускник	—41
Женщина	—42
Страда сенокосная	—43
Здесь все мое: и воздух и вода	—44
Ах; Чаглы мое синее!	—45
Для живых все так же; как и было	—46
Случись этот случай на диво:	—47
Шел домой; одернув китель	—48
Морщины	—49

Виталий Гементьевич ЛИЗУН

Редактор Т. МИХАЙЛОВА.

Набрано и отпечатано в Аккайынской районной типографии. Печать Высокая. Апрель 2000 г.

Заказ № 189. Тираж 500 экз. Цена свободная.